

Тот, кто находится в ситуации, не видит. Тот, кто наблюдает, видит ясно. Тун Цинхэ, естественно, не заметил защитный и властный стиль Цзян Шаочжи. Со временем он привык к негласному собственничеству и защите своего альфы. Если Цзян Шаочжи говорил ему идти на восток, он никогда не шел на запад. Если Цзян Шаочжи просил его сесть на колени, он автоматически прыгал в его широкие, раскрытые объятия.

Тун Цинхэ смутно догадывался, что ситуация, возможно, сложнее, чем он думал, но больше всего его беспокоила ситуация Цзи Ваня:

— Что ты собираешься делать дальше?

Цзи Вань был предельно откровенен с Тун Цинхэ. Он сказал коротко и ясно:

— Я хочу попросить Шэнь Цзуна о помощи.

Цзи Вань теперь был полностью под контролем семьи Шэнь. Любая его новость немедленно сообщалась деду и внуку. Его личная свобода была сильно ограничена, но он не мог всегда оставаться в пассивном положении. Сейчас у него не было ничего, что можно было бы потерять, и это стало его самым большим козырем.

Если он сохранит свое сердце, он победит. Он считал, что не имеет никаких обязательств перед семьей Шэнь. Он не собирался принимать их и подчиняться им только потому, что Шэнь Цзун испытывал к нему чувства.

Цзи Вань честно сказал Тун Цинхэ:

— Я хочу, чтобы Шэнь Цзун помог мне проверить одну зацепку. В последнее время он ночует дома только для того, чтобы утром встретиться со мной за завтраком и изобразить, как сильно он меня любит.

Три года назад Шэнь Цзун осмеливался бесчинствовать. Теперь же, ради этого «поверхностного» ребенка, он сдерживал гнев и не трогал его. Шэнь Цзун впервые оказался в таком неловком положении. Казалось, он был очень обижен.

Цзи Вань, похоже, ничего не чувствовал. За эти годы многое произошло: его семья была загадочным образом разрушена за одну ночь. Альфа, который клялся в любви, силой пометил его и держал взаперти три года. За сотни дней и ночей многое изменилось. Возможно, он стал более хладнокровным, чем сам думал. При виде Шэнь Цзуна, даже когда тот пытался казаться смиренным и слабым, сердце Цзи Ваня оставалось холодным и равнодушным.

Тун Цинхэ очень боялся Шэнь Цзуна, особенно его взгляда, который был похож на взгляд свирепого и недружелюбного волка. Он наказал Цзи Ваню:

— Будь очень осторожен.

Цзи Вань кивнул:

— Не волнуйся. Я должен родить этого ребенка. Сейчас я почти ничего не могу сделать. — Поэтому он решил использовать Шэнь Цзуна, в качестве расплаты за прошлые годы. Он мог простить Шэнь Цзуна за насильственное мечение и заточение, не предъявляя ему претензий, но только при условии, что тот поможет ему получить эту зацепку.

Независимо от того, что произойдет дальше, даже если он узнает лишь верхушку айсберга, это будет для него выгодно. Цзи Вань чувствовал, что его кровь холодна, но он ничего не мог поделать. Не желая покоряться судьбе, он решил стать холодным и эгоистичным.

Цзян Шаочжи дал Цзи Ваню только полчаса навестить Тун Цинхэ. Поскольку Тун Цинхэ был еще слаб и нуждался в сне, Цзи Вань вовремя вышел из палаты. Цзян Шаочжи появился за дверью еще более пунктуально.

После завершения полуденного сна Цзян Шаочжи лично проводил Тун Цинхэ на очистку. Через полчаса в очистительной камере Тун Цинхэ почувствовал слабость. Цзян Шаочжи снова отнес его обратно в палату.

— Дядя, они все видели.

Тун Цинхэ уткнулся головой в плечо альфы:

— Может, ты попросишь кого-нибудь присмотреть за мной? Тебя постоянно беспокоить неудобно...

Первый, кого он видел, открывая и закрывая глаза, всегда был Цзян Шаочжи. На самом деле, его альфа не мог быть таким свободным. Он спешил обратно, как только просыпался Тун Цинхэ, постоянно туда-сюда. Тун Цинхэ было жаль его. Он очень хотел стать маленьким и уместиться в кармане Цзян Шаочжи, чтобы тот везде носил его с собой. Тогда бы он не доставлял ему столько хлопот.

Взгляд Цзян Шаочжи был спокойным. Он уложил Тун Цинхэ на больничную койку и спросил:

— Ты действительно хочешь, чтобы я тебя не обнимал?

Цзян Шаочжи нежно сжал руку Тун Цинхэ:

— Скажи честно.

Тун Цинхэ: — ... Он покачал головой и неловко сказал:

— Я хочу, чтобы дядя меня обнимал.

— Дядя, я становлюсь все более бесполезным? — Тун Цинхэ осознавал, что его зависимость от

Цзян Шаочжи глубже, чем он думал. От одной только мысли об этом, слезы бесконтрольно потекли из глаз.

Он не хотел и не любил быть таким. Однако, как только они закончили разговор, он подумал, что если бы Цзян Шаочжи не был рядом и не обнимал его, ему стало бы очень грустно.

Цзян Шаочжи молча вытирал его слезы. Слезы текли ручьем. Тун Цинхэ, полулежавший на кровати, перекатился, занял место на коленях Цзян Шаочжи и перестал плакать:

— Не ругай меня.

— ... — Цзян Шаочжи посмотрел на красные глаза Тун Цинхэ. Он обнял его вместе с одеялом:
— Не плачь.

Тун Цинхэ позволил Цзян Шаочжи вытереть ему нос и объяснил:

— Я не хочу плакать, это слезы сами текут.

Он стал очень странным, необъяснимо странным. Тун Цинхэ не мог найти слов, чтобы объяснить это странное явление. Цзян Шаочжи подождал, пока его глаза и нос перестанут дергаться, и сказал:

— Твоя сестра придет навестить тебя вечером.

Тун Цинхэ:

— Я не хотел, чтобы она волновалась. Как она узнала...

Тун Цинхэ планировал скрывать это как можно дольше, пока полностью не восстановится. Цзян Шаочжи был человеком сдержанным в эмоциях. Даже после женитьбы на Тун Цинхэ, он редко общался с Тун Яо. У двух эмоционально холодных альф был только один общий интерес — Тун Цинхэ.

Цзян Шаочжи поцеловал его в глаза:

— Захотела — узнала.

Он прижал ладонь к мягкому месту:

— Все еще болит?

Белое лицо Тун Цинхэ покраснело:

— Немного.

Цзян Шаочжи кивнул:

— Тунтун еще молод. Когда поправишься, привыкнешь, если будешь чаще.

Тело Тун Цинхэ было еще очень юным. Цзян Шаочжи не хотел его доводить до предела, а потом уходить, оставляя его одного. Поэтому их близость была нечастой. Почти всегда это происходило, когда Тун Цинхэ сам провоцировал его. Трудно было представить, как Цзян Шаочжи сдерживался или, возможно, наслаждался тем, что потакал капризам Тун Цинхэ.

Слушая, как альфа спокойно и естественно говорит о таких вещах, Тун Цинхэ хотел попросить Цзян Шаочжи прекратить, но слова застревали у него в горле.

В глазах Цзян Шаочжи таилась легкая улыбка:

— Обниму и отнесу тебя в ванну. Примешь душ и поспишь немного. Думаю, они уже должны подъехать.

Цзян Шаочжи проспал с Тун Цинхэ около получаса. Приехали Тун Яо и ее друг-доктор.

Лицо альфы было суровым. Тун Цинхэ почувствовал холод, исходящий от сестры, и тихо спрятался в объятиях Цзян Шаочжи. Его сестра, наверное, злилась на него.

Цзян Шаочжи поцеловал его, успокаивая, и тихо сказал Тун Яо:

— Он только что проснулся. Поужинайте вместе.

Услышав, что ее брат еще не ел, лицо Тун Яо немного смягчилось. Она не могла долго злиться на Тун Цинхэ, но, когда узнала, что он скрыл случившееся, ее гнев чуть не взорвался. Если бы не мягкие уговоры ее спутника, Тун Яо не сдержала бы свой взрывной характер.

Цзян Шаочжи оставил сестру и брата наедине, а сам повернулся и вошел в кухню, чтобы приготовить ужин. Доктор, успокаивая, похлопал Тун Яо по плечу и последовал за Цзян Шаочжи на кухню, давая им пространство для разговора.

Доктор тихо улыбнулся:

— С Тунтуном все в порядке, да?

Цзян Шаочжи кивнул. Он был отстранен от всех, и доктор не возражал против этого.

Под пристальным взглядом Тун Яо, Тун Цинхэ сам признал свою ошибку. Он старался говорить как можно меньше, боясь, что чем больше он скажет, тем сильнее его сестра рассердится.

Тун Яо сказала:

— У тебя есть альфа, который о тебе заботится, и у меня не так много прав тебя контролировать, но в таких серьезных делах ты должен сообщать мне.

Тун Цинхэ не мог поднять голову. Он оставался прежним: в мелких делах справлялся сам, а когда требовалось вмешательство опекуна, притворялся страусом, безропотно признавая свою вину.

Альфы имели право на личное пространство. Это все знали. После женитьбы Тун Яо очень редко вмешивалась в его дела, кроме необходимых семейных контактов.

— Сяо Хэ, ты можешь рассказать сестре, что произошло? — Тун Яо защищала своего брата. Она несколько раз имела дело с Медицинским бюро и знала, что некоторые вещи не подлежат разглашению. Прошло столько лет, и она не ожидала, что сбежавший эксперимент будет мстить ее брату.

Тун Цинхэ в нескольких словах рассказал, что произошло, и добавил:

— Тот лекарственный человек покончил с собой.

Тун Яо задумалась. В свое время она знала некоторые внутренние подробности, но каждый, кто находился на вершине, хотел защитить себя, поэтому никто не вмешивался в это грязное дело. Она не ожидала, что этот бесчеловечный проект до сих пор продолжается.

Тун Цинхэ заметил что-то неладное:

— Сестра, что-то случилось?

Тун Яо сказала:

— Хорошо поешь. Не спрашивай о таких вещах. И своему коллеге, и близким друзьям, кроме Цзян Шаочжи, больше никому об этом не говори.

Тун Цинхэ тихо согласился, чувствуя себя виноватым. Ведь он уже рассказал Цзи Ваню. Но если бы Цзи Вань не рассказал ему, он даже не догадался бы, что его похитил лекарственный человек.

Цзи Вань, наверное, не посторонний, да?..

Блюда были поданы. Цзян Шаочжи, став «ногами» Тун Цинхэ, посадил его на стул, а затем, став его «руками», терпеливо клал ему еду.

У Тун Яо не было омеги, и она не хотела его заводить. Она считала, что у нее нет такого

терпения, как у Цзян Шаочжи, чтобы так заботиться о ком-то. Даже ее партнер, бета, был человеком мягким. Доктор был более рациональным, чем она, и менее подвержен влиянию феромонов. Для нее он был самым подходящим и совместимым партнером.

Словно почувствовав взгляд Тун Яо, доктор сжал ее руку под столом, а затем отпустил. Умеренная близость и непринужденное отношение, которое не давало альфе почувствовать себя связанной, всегда нравились Тун Яо. После ужина Тун Цинхэ проводил Тун Яо вниз. Он посмотрел на улыбающегося доктора, который шел сзади, и задал вопрос, который давно сидел у него в голове.

На улице было ветрено и холодно. Тун Яо позволила Тун Цинхэ проводить ее только донизу.

Он тихо спросил:

— Сестра, почему ты не думаешь о том, чтобы найти себе омега-зятя? — Он сказал честно: — Я не имею в виду ничего плохого, но как ты переживаешь свою течку?

Тун Яо посмотрела на двух человек, которые ждали их неподалеку. Она прикрыла брата от ветра, ее строгое лицо смягчилось:

— Глупый ребенок, я больше не подвержена влиянию феромонов.

Семь лет назад Тун Яо сопровождала руководство в поездке на другую планету, где на них напали. Она дважды защищала своего начальника, чудом выжила, но получила серьезные травмы. После этого ее карьера резко пошла в гору.

Когда Тун Яо уехала с доктором, Тун Цинхэ повернулся и прижался к Цзян Шаочжи.

— Дядя, я такой плохой.

Он наивно полагал, что живет в мире, защищенном от всех невзгод, но даже его сестра получила травму. Его защитная крепость была построена по кирпичику близкими людьми.